

Семьи, в которых родители имеют более низкий уровень образования и доходов, вырабатывают другую модель образования для детей. В этом случае выбор школы с большей вероятностью будет сделан в пользу ближайшего к дому учебного заведения. Родители реже заблаговременно собирают информацию в школе. Результаты обучения в меньшей степени ориентированы на поступление в высшие учебные заведения. Основными показателями успешного обучения являются хорошие оценки ребенка в течение года. Обладая ограниченными материальными ресурсами, родители с более низким уровнем дохода не одобряют практику финансовой помощи учебным заведениям. Ответственность за содержание школ возлагается на органы государственной власти. Но объем финансирования рассматривается родителями как недостаточный. Поэтому основные проблемы школ города родители связывают с плохим состоянием материальной базы учебных заведений.

Образовательную стратегию менее состоятельных семей, тем не менее, мы не склонны считать дефицитной. Скорее следует говорить о несовершенстве форм социальной поддержки семей, имеющих детей школьного возраста в регионе. Родители несут значительные затраты по обеспечению повседневной жизни семьи и не имеют возможности инвестировать в образование детей.

Список литературы:

1. Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007. 270 с.
2. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008. 551 с.
3. Хекман Дж. Политика стимулирования человеческого капитала. // Вопросы образования. 2011. №3. С.73-138.
4. Бернстайн Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса / Б. Бернстайн. – М. : Просвещение, 2008. – 272 с.

УДК 378:316

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОЛЯ И ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ СО СТУДЕНТАМИ)

Волегов Владимир Сергеевич
аспирант

Пермская государственная академия искусства и культуры, Пермь
E-mail: wsvolegov@mail.ru

THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION: FIELDS AND PRACTICES (ON THE BASED OF IN-DEPTH INTERVIEWS OF STUDENTS)

Vladimir Volegov
Postgraduate student, Perm State Academy of Art and Culture, Perm

АННОТАЦИЯ – В работе представлена попытка рассмотрения профессионального самоопределения как системы практик, происходящих в пространстве высшего образования. Обращаясь к идее практического поворота («practice turn») в методологии общественных наук на примере теории полей и практик П. Бурдьё, автор предлагает выделять в социокультурном пространстве вуза несколько взаимосвязанных полей, в каждом из которых могут проявляться существенные элементы профессионального выбора.

ABSTRACT – The paper deals with the effort to learn the professional self-determination as a system of practices in the space of higher education. The author refers to the idea of “the practice turn” in the methodology of social sciences, on the based the example of the practice theory by Bourdieu, and suggests allocating several related fields in the social and cultural environment of higher school. These fields may reflect some essential elements of a professional choice.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, теория практик, П. Бурдьё, поля, габитус, студенты, ВУЗ

Keywords: professional self-determination, theory of practice, P. Bourdieu, fields, habitus, students, higher education institution

Одним из важных направлений, оформившихся в советской социологии 1960-х гг. стало исследование процессов, происходящих в молодежной среде. В фокусе внимания находился процесс вхождения новых членов общества в различные социальные структуры и образования, т.е. замещение ими наличных ячеек существующей социальной системы. Так, по мысли М. Х. Титмы, «процесс жизненного самоопределения заканчивается достижением молодыми людьми стабильного положения в тех или иных сферах социальной жизни социалистического общества» [1, 53]. Закономерно, что в силу сложившегося на тот момент отношения к труду как сущностной характеристике человека, его ключевым типом самоопределения оказывалось вхождение молодых людей в профессионально-трудовую сферу общественной жизни и сложившиеся способы закрепления труда за его членами [2, 24-26]. Сложившийся подход был основан на жесткой детерминации процесса профессионального самоопределения наличными социальными процессами и институтами, прежде всего структурой образования и рынка труда. Так, этапы профессионального выбора определялись конфигурацией системы образования, точнее предусмотренными в ней переходами и «развилками», а результат постулировался как необратимый [1, 66]. Отсюда, большое внимание к роли формальных институтов и норм, перенос акцентов с характеристик личности на внешние социальные условия, зачастую сводящий социологическую трактовку профессионального выбора к частному случаю профессиональной ориентации и пониманию личности как объекта данного процесса [3, 6-14].

Изменение конфигурации общественных отношений, произошедшее в 1980-1990-х гг., привело к усилению интереса к внешним условиям реализации профессионального выбора, прежде всего, социально-экономическим детерминантам, а также проблематике образовательных траекторий молодежи [см.: 4, 12-14]. Тем самым констатируется сложившееся определение профессионального самоопределения как «разрешение противоречия между субъективными предпочтениями индивида и внешней по отношению к нему социальной ситуации, определяющей возможности реализации этих предпочтений» [5, 11].

В данной работе акцент делается на рассмотрении профессионального самоопределения как «результата действия совокупности культурных образцов, ценностей, традиций, символов и смыслов» [6, 134], разделяемых молодыми людьми и их окружением. Перечисленные элементы культуры проявляются в поведении действующих лиц, как правило, не в результате рационального выбора, а как результат неявного знания, реализации разделяемых поведенческих шаблонов, что предполагает обращение к понятию практик, представляющих «совокупности навыков целесообразной деятельности (практическое искусство), которые в то же время раскрывают человеку возможности состояться в том или ином качестве» [7, 23].

Согласно теории полей и практик П. Бурдьё, социальное пространство, состоящее из совокупности взаимосвязанных полей, вписано одновременно в объективные социальные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур. Остановимся на высшем профессиональном образовании как объективно существующем формальном институте. По логике Бурдьё, с ним связаны определенные социальные поля, каждому из которых «соответствует определенный вид капитала, имеющий хождение в данном поле как власть или как ставка в игре» [8, 16]. Актёры, находящиеся в социальном поле (студенты, абитуриенты, преподаватели и т.д.), сообразно имеющемуся капиталу, вступают в необходимые социальные отношения. Посредником между социальными отношениями и агентами в данной теории является габитус – результат интериоризации объективных социальных отношений и необходимое субъективное условие практик одновременно. Габитус, по мнению Бурдьё, производит и структурирует практики и представления таким образом, что они оказываются объективно адаптированы к системе со-

циальных отношений. По определению Бурдые, «агенты никогда не бывают свободны, но никогда иллюзия свободы (или отсутствия принуждения) не бывает столь полной, как в случае, когда они действуют, следуя схемам своего габитуса, т.е. объективным структурам, продуктом которых является сам габитус: в этом случае агенты ощущают принуждение не более чем тяжесть воздуха» [9, 559].

Таким образом, для рассмотрения профессионального самоопределения как системы практик необходимо выделение тех социальных полей, в которых данные практики происходят и, как следствие, тех диспозиций и разновидностей капиталов, которые реализуются и конвертируются в практиках. В данном случае, рассмотрение полей и практик профессионального выбора осуществляется на основе 8 фокусированных интервью со студентами высших учебных заведений г. Перми. При ограниченности собранной эмпирической базы можно отметить несколько существенных деталей.

Первый вывод, который можно сделать на основании проведенных интервью, заключается в наличии как минимум трех взаимосвязанных социальных полей, составляющих пространство высшего образования. Первое из них условно можно определить как «поле формального образования». Оно возникает вокруг внешне заданных условий, элементов и правил системы образования: учебных планов, рабочих программ дисциплин, норм и правил, структурирующих и определяющих учебный процесс. Практики этого поля связаны с учебной деятельностью: посещение лекций и работой на семинарах – именно с ними, в первую очередь, у респондентов и ассоциируется вуз. Взаимодействие в этом поле осуществляется между учащимися, преподавателями и формальными нормами, представляемыми администрацией учебного заведения. Осмысление практических действий здесь может осуществляться в двух вариантах: эмоциональном (*студентка В.: «все равно ты будешь слушать тот предмет, который тебе интересен, тут решающий фактор – это твое личное восприятие»*) и прагматичном, т.е. связанном с предполагаемым будущим. В последнем случае, предмет, не имеющий практической значимости, рассматривается исключительно как плата за пребывание в поле, неизбежная на пути к достижению цели: *«просто надо часы отпахать вот каким-то образом» (студент М.)*. Этот мотив проходит практически через все интервью: *«у нас есть проблема с построением плана учебного, я не понимаю, зачем нам нужны были многие предметы», «научная работа [написание курсовых и дипломов] – бессмысленная трата времени: это не нужно ни нам, ни преподавателям, никто за этим не следит» (студент И.)*. Тем не менее, в интервью прослеживается возможность неформальных практик, направленных на повышение субъективной значимости предмета: *«нужно разводить преподавателя на разговор – спрашивать у него что-нибудь, и тогда он начинает рассказывать то, что реально надо, что реально необходимо» (студентка К.)*.

Следует отметить, что требования формальных норм контролируют не только студентов, но и преподавателей: *«преподаватели – у них нет выбора – они должны выдавать теорию» (студентка К.)*. Взаимодействие между преподавателями и студентами в данном поле направленно на достижение этих формальных результатов – освоения учебного плана и, как результат, – получение диплома.

Высказанная в трудах Титмы идея о неоднородности социального статуса различных профессий, а следовательно и социальном характере профессионального выбора, в настоящих условиях оказываются более дифференцированными, и с получением диплома связано второе смысловое подпространство – поле символического потребления. В нем обучение в вузе рассматривается как подтверждение и демонстрация имеющегося статуса семьи и самого индивида. Несмотря на то, что родители респондентов имеют разный уровень образования, практически все информанты были ориентированы ими исключительно на ВУЗ. Во-первых, статусом наделяется само прилагательное «высшее» в названии учреждения. Эта превосходная степень переносится на все составляющие: знания, восприятие выпускников работодателями и окружающими. Второй составляющей является статус ВУЗа: *«ПГУ или Политех – это же так престижно, это же так круто, там же все, господа!» (студентка К.) «Это же престижно, и звучит, и диплом будет московский»* - так характеризует свой

выбор студентка А. Помимо сугубо символической составляющей в высшем учебном заведении выделяется такая важная характеристика, как возможность после него заниматься более престижным трудом, т.е. нефизическим трудом, независимо от содержания работы и сферы деятельности: *«работают в разных сферах деятельности человека от ... консултантов в Эльдorado до Сбербанка, Лукойла и т.д. Такие компании как Прогноз, например, тоже»* (студент Б.), *«ты сидишь в чистеньком офисе, у тебя, возможно, свой кабинет, ты сидишь в костюмчике»* (студентка К.), *«да что туда поступать, у нас ПГУ есть, Политех, вполне престижные учебные заведения»* (студентка В.).

Однако наиболее значительным в контексте профессионального самоопределения является поле, связанное с карьерными устремлениями и построением планов. Цель данных практик оказывается вне непосредственного процесса обучения и связывается с несколькими составляющими. Прежде всего, это получение необходимых для практической деятельности навыков (*«пришел сюда получать образование историка, а не историю учить»* – студент М.). В соответствии с выбираемым направлением дальнейшей деятельности, информанты определяли и свои референтные группы: специалисты по продажам, историки-исследователи, программисты и т.д. В этой связи возникает и значимость внешнего образа профессии. Здесь можно заметить одну общую характеристику: практически во всех интервью прослеживается констатация неадекватности общественного образа профессии, её низкий социальный статус (*«они представляют себе не менеджера, а того, кто их обслуживает в Евросети. А вот руководителя проекта, они не рассматривают его как менеджера»*). Причем, иногда, к носителям искаженного восприятия профессии они относят и себя в момент поступления. Выразиться эта неадекватность образа может в различной степени (*«наша специальность легко дискредитируема», «[статус] даже ниже, наверное, чем певцы и танцоры стоим»* до *«место историков – у парашки общественного сознания»* – студент М.).

Все выделенные поля связаны между собой: представление о будущем месте работы (если оно сформировано) определяет отношение к предметам и вычленимым из них навыки, диплом, соединяя поля образования с соображениями престижа, влияет на доступ к рабочим местам (для принятия на работу необходимо «махнуть дипломом с хорошими оценками»). Однако, выделяемые практики имеют свои специфические черты. То, что эффективно в пространстве выполнения формальных требований образовательного стандарта оказывается малоприменимо для приближения к профессиональному идеалу и, тем более, не соответствует понятиям престижа и высокого статуса. Характерно, что символический капитал высшего образования получает все большую значимость, временами отдаляясь от собственно профессионального содержания. Иными словами, можно констатировать, что практики профессионального самоопределения, локализованные в пространстве ВУЗа, реализуются в нескольких социальных полях, причем успешность в одном из них не означает успешность в остальных.

Список литературы:

1. Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). – М.: Мысль, 1975. – 200 с.
2. Титма М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение. М.: Мысль, 1986. – 255 с.
3. Антипов А.Г., Захаров Н.Н., Чумаков С.Я. Профессиональная ориентация в сельской школе (методические рекомендации). – Пермь, 1977. – 79 с.
4. Черденченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М, 2014. 560 с.
5. Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодежи / отв. Ред. В.Л. Оссовский. – Киев: Изд-во «Наукова думка», 1987. – 305 с.
6. Гофман А.Б. Социальное, социокультурное, культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий общество и культура // Социологический ежегодник 2010. М.: ИНИОН РАН; Каф. общей социологии ГУ Высшей школы экономики, 2010. – С. 128-136.
7. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. – СПб, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. – 298 с.

8. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв.ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

9. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

УДК 364.652:314.6

СОЦИАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО СЕМЕЙНОМУ НЕБЛАГОПОЛУЧИЮ НА ТЕРРИТОРИИ

Волченко Светлана Юрьевна
аспирант

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск,
E-mail: svetlana0491@ngs.ru*

SOCIAL MAPPING AS TECHNOLOGY OF SOCIAL WORK ON FAMILY TROUBLE IN THE TERRITORY

Volchenko Svetlana Yurevna
graduate student, Novosibirsk state technical university, Novosibirsk

АННОТАЦИЯ – Статья посвящена вопросам внедрения технологии картирования в социальную работу (на примере г. Новосибирска). Выявлена и обоснована необходимость использования данной технологии для работы с семейным неблагополучием на территории. На основе описанного проекта по внедрению картирования в деятельность специалистов МБУ КЦСОН Дзержинского района г. Новосибирска, автором выделяется ряд проблем, препятствующих внедрению социального картирования, а также преимущества применения данной технологии в деятельности специалиста по социальной работе.

ABSTRACT – Article is devoted to questions of introduction of technology of mapping in social work (on the example of Novosibirsk city). Need of use of this technology for work with family trouble in the territory is revealed and proved. On the basis of the described project on introduction of mapping in activity of experts of MBA CCSSP of Dzerzhinsky district of Novosibirsk city, the author allocates a number of the problems interfering introduction of social mapping, and also advantage of application of this technology in activity of the specialist in social work.

Ключевые слова: социальное картирование; семейное неблагополучие; территория; потенциал территории.

Keywords: social mapping; family trouble; territory; capacity of the territory.

Политика регионализации, ставшая актуальной для многих цивилизованных стран, предполагает передачу части полномочий от органов государственной власти региональным структурам, в том числе, органам местного самоуправления. Для российского государства и общества данная проблема осложняется слабым развитием местного самоуправления. Между тем, социальные проблемы территории должны решаться при поддержке органов местного самоуправления и других институтов гражданского общества. Проблемы регионализации тесно связаны с проблемой развития социальной политики, в связи с чем данная ситуация диктует необходимость ее реализации с учетом характеристик и особенностей каждого региона в отдельности, а также территорий, входящих в состав региона. Анализ ситуации в регионе в целом и на каждой территории требует знания и социальных проблем, и существующих ресурсов, необходимых для решения данных проблем. Социальные проблемы, возникающие на конкретной территории, часто по-разному видятся региональной властью, структурными учреждениями и территориальным сообществом [2; 59]. Со своей стороны, сообщество лучше понимает проблемы и видит реальную ситуацию, поскольку это касается его потребностей и интересов. Однако российские сообщества в силу исторических